

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 4, Pp. 704–719, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(470):(479)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-704-719

«Никакие дипломатические переговоры и настояния перед Оттоманскою Портой благоприятного результата иметь не будут...»: Кавказ в системе российско-турецких отношений в конце XIX – начале XX в.

Каринэ Размиковна Амбарцумян¹, Микаэл Арменович Малхасян², Ваграм Размикович Балаян³

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-9397-6197. E-mail: [karina-best21\[at\]mail.ru](mailto:karina-best21[at]mail.ru)

² Ереванский государственный университет (1, ул. Алека Манукяна, 0025, Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, доцент

 0009-0008-1733-2526. E-mail: [mmalkhasyan\[at\]ysu.am](mailto:mmalkhasyan[at]ysu.am)

³ Институт истории Национальной академии наук Республики Армения (24г, пр. маршала Баграмяна, 0019, Ереван, Республика Армения)

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник

 0009-0002-5696-9411. E-mail: [vahrambalayan\[at\]mail.ru](mailto:vahrambalayan[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Амбарцумян К. Р., Малхасян М. А., Балаян В. Р., 2024

Аннотация. *Введение.* Кавказ как повестка российско-турецких отношений в указанный период оказался под влиянием не только традиционной логики геополитического соперничества двух держав, но и тектонических сдвигов в системе международных отношений. Приближалась мировая война, что не могло не сказаться на региональной политике держав. Кавказ особенно был чувствителен к геополитике. В конце XIX – начале XX в. произошла эволюция внешнеполитического измерения Кавказа, так как вместо более или менее очевидного противостояния возобладало сложное взаимодействие держав, не исключавшее соперничества, при этом предполагавшее и элементы конструктивного взаимодействия. *Материалы и методы.* Исследование построено на принципе междисциплинарности, который позволил органично соединить методы исторического исследования и подходы к изучению международных отношений. Источниковая база представлена документами Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Российской Федерации. *Результаты.* Одним из аспектов российско-турецкого взаимодействия были миграции мусульман как Северного Кавказа, так и Закавказья. Общая религиозная общность, которая у ряда кавказских народов усиливалась еще и тюркской принадлежностью.

Исторические источники подтверждают активную работу эмиссаров из Турции среди местного населения, а также существование группы кавказцев, живших на две империи. Кавказский контекст трансформации армянского вопроса в российско-турецких отношениях. Кавказское пограничье стало пристанищем армянского населения, спасавшегося от систематического насилия в Османской империи. Компактное проживание армянского населения по обе стороны российско-турецкой границы делало для российских чиновников в Петербурге и особенно на Кавказе проблему реформирования армянских вилайетов в Турции актуальной. *Выводы.* По итогам сделан *вывод*, что накануне войны Кавказ, несмотря на то, что был частью российского государства, стал контактной зоной российско-турецких отношений, которые по-прежнему подразумевали скрытое геополитическое соперничество.

Ключевые слова: Кавказ, панисламизм, армянский вопрос, геополитическое соперничество, Российская империя, Османская империя

Для цитирования: Амбарцумян К. Р., Малхасян М. А., Балаян В. Р. «Никакие дипломатические переговоры и настояния перед Османской Портой благоприятного результата иметь не будут...»: Кавказ в системе российско-турецких отношений в конце XIX – начале XX в. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 704–719. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-704-719

‘No Diplomatic Negotiations or Insistence before the Ottoman Porte to Have Any Favorable Result...’: The Caucasus in Russian-Turkish Relations, Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries

Karine R. Ambartsumyan¹, Mikayel A. Malkhasyan², Vahram R. Balayan³

¹ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-9397-6197. E-mail: karina-best21[at]mail.ru

² Yerevan State University (1, Alex Manoogian St., 0025 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0009-0008-1733-2526. E-mail: mmalkhasyan[at]ysu.am

³ Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24g, Marshall Baghramian Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History), Professor, Senior Research Associate

 0009-0002-5696-9411. E-mail: vahrambalayan[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Ambartsumyan K. R., Malkhasyan M. A., Balayan V. R., 2024

Abstract. Introduction. Being a key point on the Russian-Turkish agenda during the period in question, the Caucasus was influenced not only by the traditional logic of geopolitical rivalry between the two powers but also by somewhat tectonic shifts in the system of international relations. The world was anticipating a global war, and this did affect regional policies of the powers too. Moreover, the Caucasus was (and still is) particularly sensitive to geopolitical issues in general. So, the late nineteenth and early twentieth centuries witnessed an evolution in the foreign policy dimension across the Caucasus, since the more or less obvious confrontation was then replaced by complicated interactions between the powers, the latter never to exclude rivalry but would involve elements of constructive relationship as well. *Materials and methods.* The study is essentially interdisciplinary, which makes it possible to organically combine methods of historical research and some approaches to the study of international relations. The key sources are documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Archive of Russian State Military History, and State Archive of the Russian Federation. *Results.* One of the aspects of Russian-Turkish interaction was the migration of Muslims from both the North Caucasus and Transcaucasia: for a number of indigenous peoples religious commonness was reinforced by their Turkic roots. Historical sources confirm Turkey’s emissaries would launch active campaigns among local populations, while a group of Caucasians were actually residing in the two empires. So, the Caucasian borderland became a haven for ethnic Armenians seeking salvation from systematic violence in the Ottoman Empire. The compact Armenian-inhabited areas on both

sides of the Russia-Turkey border made the problem of reforming Turkey's Armenian wilayahs particularly urgent for Russian officials in St Petersburg and especially in the Caucasus. *Conclusions.* The work resumes on the eve of the war the Caucasus — despite being part of the Russian state — became a Russia-Turkey contact zone, which still implied hidden geopolitical rivalry.

Keywords: Caucasus, pan-Islamism, Armenian question, geopolitical rivalry, Russian Empire, Ottoman Empire

For citation: Ambartsumyan K. R. 'No Diplomatic Negotiations or Insistence before the Ottoman Porte to Have Any Favorable Result...': The Caucasus in Russian-Turkish Relations, Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries. *Oriental Studies*. 2024; 17 (4): 704–719. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-704-719

1. Введение

Конец XIX – начало XX в. стал периодом разрушения старых принципов международных отношений, что неизбежно вело к Первой мировой войне. Процесс сползания до уровня открытого военного противостояния не был линейным, и нельзя утверждать, что все участники событий ставили задачей решить накопившийся комплекс противоречий через войну. Россия и Османская империя, имея значительный опыт борьбы как в регионе Балкан, так и на Кавказе, оказались в противоположных военно-политических лагерях, хотя стремились к конфликту в наименьшей степени из всех крупных участников Первой мировой войны. Логика российско-турецкого геополитического соперничества предполагала периодическую эскалацию, но при стечении определенных обстоятельств. Кроме ряда болезненных в российско-турецких отношениях вопросов (проблема проливов, положение немусульманских народов в Турции, ситуация на Балканах), существовал чувствительный к геополитике регион — Кавказ — южная окраина Российской империи, граничившая с Турцией.

В современной исторической науке регион в период после завершения Кавказской войны рассматривается как часть российско-имперского пространства (см. например: [Урушадзе 2015: 144–157; Гранкин 2018: 37–42; Коробейникова 2018: 98–103]). Даже после включения Кавказа в состав российской государственности, международное значение он не утратил, речь идет, скорее, о смещении фокуса внимания держав и изменения характера активности главных ин-

тересантов международных отношений в регионе в конце XIX – начале XX в. Кавказ в силу своего уникального местоположения был и продолжает оставаться перекрестком цивилизаций [Тимошенко-Оздемир 2009: 23]. В советской историографии международное измерение Кавказ исследовалось, однако в составе обширного «восточного вопроса». Следует отметить особый вклад историка Н. С. Киняпиной (см. например: [Восточный вопрос 1978: 434]). С этих же позиций был проанализирован «армянский вопрос», который связывал кавказскую политику России с ближневосточной. Вехой в развитии историографии «восточного вопроса» стала монография «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в.» [Киняпина и др. 1984: 328]. Ученик Н. С. Киняпиной, В. В. Дегоев, обозначил кавказское направление как «своеобразную часть восточного вопроса» [Дегоев 1992: 311]. В данной статье предпринимается попытка привлечь новые архивные источники и на их основе целостно исследовать Большой Кавказ как единое геополитическое пространство Северной и Южной частей, а также под новым углом рассмотреть его в контексте российско-турецких отношений.

В. В. Дегоев возрастные геополитического значения Кавказа отмечает на рубеже XIX–XX вв., когда нефтяные ресурсы превратили его в зону экономического соперничества держав [Дегоев 2003: 336]. В 1880-е гг. отмечен повышенный интерес иностранного капитала, который устремился занимать пока свободную нишу и осваивать природные ресурсы. В записке

Главнoначальствующего гражданского чaстью на Кавкaзе А. М. Дондукова-Корсакова следующим образом охарактеризовано промышленное развитие подведомственного ему края: «При ближайшем ознакомлении с промышленной деятельностью на Кавкaзе обращает на себя особенное внимание то обстоятельство, что окраина эта посещается ежегодно массой иностранцев, принимающихся за то или другое предприятие. Не говоря о нефтяном деле, в котором живейшее участие принимают все европейские национальности, иностранцы прямо или косвенно заинтересованы во всех наиболее выдающихся отраслях кавказской промышленности, как например медеплавильное дело (немцы), серебро-свинцовое, серное (французы), производство лакрицы (греки и англичане), рисовое (англичане), поташное и кирпичное (шведы) и проч. Хотя большинство этих предпринимателей перерабатывает свои произведения на месте, но, за всем тем, нельзя не пожалеть, что русские капиталисты еще не вполне доверяют Кавкaзу и неохотно переносят свою деятельность» [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 459. Л. 151].

С точки зрения государственной безопасности «замиренный Кавкaз» вызывал тревогу и недоверие в Петербурге, поэтому такая активная международная жизнь имперской окраины воспринималась властями с опаской. С одной стороны, иностранцы приводили деньги и технологии, необходимые для экономики, с другой — возникали опасения дестабилизации хрупкого мира. Даже в 1899 г. у российских министерства иностранных дел и военного министерства были сомнения относительно того, стоит ли допускать англичан к добыче нефти в Темир-Хан-Шурином округе Дагестанской области [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 499. Л. 2]. Горское население Дагестана не смирилось полностью с установлением российской власти, и поэтому его особенно охраняли от иностранного влияния. Более того, когда в 1899 г. Великобритания сделала запрос о распространении полномочий английского консула в Батуме и на Дагестан, российский МИД настаивал, что иностранцев можно допускать, но

не повсеместно: «Последняя война России с Турцией казалось бы показала, как легко население Дагестана может поддаваться враждебному нам влиянию. В то время как население Закавказских губерний оставалось более или менее спокойным, горцы Дагестанской области не могли устоять против внушения неприятельскими эмиссарами, как только началась война, произошли серьезные беспорядки» [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 499. Л. 7–7об.].

Однако к началу XX в. нефтяные промыслы появляются вблизи Темир-Хан-Шуры, а в Дагестан устремились представители «Англо-петровского нефтяного общества», «Англо-русского нефтяного общества», «Челекено-дагестанской нефтяной компании» (которая до 1913 г. была сугубо российской), «Товарищество братьев Нобель» [Рамазанова 2021: 49].

Для опасений относительно стабильности Кавкaза, как Южного, так и Северного, и сомнений в окончательности «замирения», были вполне реальные основания. Кавкaз несколько веков был ареной международного соперничества, при этом российско-турецкое противостояние осложнялось фактором вмешательства европейской политики, главным образом, английской. Российская исследовательница В. В. Цибенко комплекс усилий Великобритании во второй половине XIX в. в регионе определяет как «попытки искусственной субъективизации Северного Кавкaза», т. е. навязывания ему статуса акторности в международных отношениях. Великобритания стала инициатором конструирования черкесского национального проекта как части более обширного восточного вопроса. Османская империя, где аккумулировалось северокавказское население и формировалась диаспора, не имела последовательной позиции и не была заинтересована в обособлении Северного Кавкaза. Однако подход Порты мог меняться в зависимости от характера российско-турецких на разных этапах [Цибенко 2022: 201].

В рамках данной статьи ставится целью выявить особенности кавказской политики как с российской стороны, так и с османской. Указанный в заголовке период связан с изменением международной обстановки,

формированием военно-политических блоков и внутривосточными кризисами в самих России и Турции. Кавказский регион, который по историческим меркам совсем недавно стал частью России и имел стратегическое приграничное положение в пределах империи, был фактически индикатором приближающегося конфликта. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в. до 1914 г., когда началась Первая мировая война.

2. Материалы и методы

Главным подходом в исследовании стала междисциплинарность, с помощью которой удалось соединить методы исторического исследования и методы изучения международных отношений. С помощью историко-генетического метода была прослежена эволюция российско-турецких отношений в связи с различными аспектами кавказской повестки вплоть до начала Первой мировой войны. Отчасти историческая имагология стала основой для понимания Кавказа как пространства многообразия этносов и культур, которые находились и находятся по сей день в пределах одного геополитического пространства. Трактовка международных отношений с позиций реализма и неореализма дала возможность рассматривать Кавказ в связи с внешнеполитическими интересами двух империй — Российской и Османской. Системный подход, который активно используется в изучении современных международных отношений, предполагает представление об определенной группе элементов, связанных между собой сетью взаимодействий. Эта группа отграничена от внешнего окружения, но находится с ним в постоянном взаимодействии. Взгляд через оптику системного подхода на кавказский регион позволил его исследовать как объект приложения внешнеполитических усилий.

Источниковая база работы составлена из материалов трех архивов — Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Документы АВПРИ представлены дипломатической перепиской между

российскими консулами в Турции и российскими чиновниками разного уровня, в том числе кавказскими. Из фонда 1300 «Штаб Кавказского военного округа на театре военных действий» (РГВИА) были взяты донесения военной агентуры, в том числе П. И. Аверьянова, осуществлявшего военную разведку в Эрзеруме. Его же воспоминания, хранящиеся в личном фонде в ГАРФ, стали источником ценной информации о политике России в отношении Турции и о ситуации на Кавказе в начале XX в. Кроме того, использованы опубликованные официальные документы, в том числе те, которые были изданы в научно-историческом журнале «Красный архив».

3. Пересечение интересов России и Турции в пределах Северного Кавказа и Закавказья

3.1. Проблемы панисламизма и миграций кавказских мусульман

Одной из неурегулированных проблем в российско-турецких отношениях были миграции российских мусульман, в том числе и кавказских. После завершения Кавказской войны, в 1865 г., Россия и Турция достигли соглашения о переселении кавказцев в пределы Османской империи. С российской стороны шла большая волна переселенцев с Северного Кавказа, что зачастую поддерживалось и провоцировалось турецкими эмиссарами. Позже, несмотря на поражение в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Османская империя не отказывалась от притязаний на, как минимум, влияние на кавказские дела. Турция была практически единственным самостоятельным мусульманским государством с тюркским населением. На Кавказе проживало и проживает заметное количество тюркских народов (азербайджанцы, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы), но делать ставку только на них через распространение идей пантюркизма было нецелесообразно, поэтому востребованной, как инструмент влияния, оказалась и идеология панисламизма. С этими идеями в народ шли специальные агенты, которые прибывали под видом купцов, возвращавшихся из Мекки паломников, учителей грамоты. На усиление агентуры на территории

России в 1907 г. были выделены деньги из государственной казны [Сотниченко 2011: 19]. Согласно сведениям Особого Отдела Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, действительно, в этот период стали прибывать турецкие представители, а также рассылаться письма с призывами к восстанию мусульман на защиту ислама. Мусульманская печать Кавказского края стала больше публиковать материалов панисламистского толка [О распространении 2006: 408]. В 1907 г. личный адъютант султана Абдул-Хамида (Абдул-Гамида) II — Исмаил Хаким-бей совершил тайную поездку на Кавказ и в Туркестан, в течение которой вел активную агитацию пантюрокского и панисламского содержания [Кулиев 2013: 133].

Важно то, что прочность отношений и степень налаженности связей с Турцией у разных кавказских мусульман были разными. Многие кавказцы знали о ней понаслышке, в то время как, например, Батумская область до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была частью турецкого государства. Кавказские власти воочию наблюдали и оценивали эту степень приверженности идеям панисламизма. В Батумской области внушать ничего не приходилось. Взволновавшие местное население в начале XX в. слухи о войне России и Турции провоцировали реакцию русско-подданных батумских мусульман, которые считали себя турками, «подождите Батум скоро будет наш» [Кулиев 2013: 411]. В Елисаветпольской губернии среди мусульман наблюдалось «стремление к общности и единству на почве Ислама», и по непроверенным сведениям шел сбор денег на нужды турецкой армии [О распространении 2006: 412]. Так же, как и в Батумской области, в Дагестане слухи о возможном конфликте с Турцией влияли на настроения населения. По сведениям местных чиновников, открыто высказывались симпатии, а многие даже начинали запасаться оружием. Порта пользовалась расположением местного населения и направляла эмиссаров в Дагестан в большом количестве [Кулиев 2013: 412–413]. После 1908 г. и прихода к власти младотурок усиливается напор и фиксируется ряд случаев,

известных властям, когда турецкоподданные под видом сбора милостыни, учителей, путешественников общались с населением на тему будущего Турции, успехов турецкой армии, удобства жизни в Турции и т. д. [Кулиев 2013: 414].

На фоне революционных событий и нестабильности кавказской окраины имперские власти в 1905 г. возродили ликвидированный в 1881 г. институт кавказского наместничества. На эту должность быть назначен генерал-адъютант И. И. Воронцов-Дашков. Наместник обладал высшей гражданской властью в крае. Целесообразность этой должности и этого назначения стали очевидны уже в первые несколько лет. Исходя из записки директора департамента полиции 1908 г.¹, в которой фактически написан донос на кавказские власти, несмотря на критику действий наместника, можно сделать вывод, что И. И. Воронцов-Дашков проводил политику, ориентируясь на местные особенности, в том числе учитывая фактор турецкого соседства [Службная записка 1929: 146].

Сведения департамента полиции, аккумулируемые незадолго до Первой мировой войны, сообщают, что симпатии мусульман Северного Кавказа и Закавказья были на стороне Турции и Персии. Одним из представителей панисламизма, по сведениям агентуры, был Асельдер бек Казаналипов, который сделал блестящую карьеру на государственной службе. С 1909 г. он был советником по особым поручениям наместника на Кавказе, однако это обстоятельство не избавляло его от пристальной слежки [Сенюткина 2019: 49]. В августе 1913 г. заведующий агентурой Турции сообщал о том, что на Кавказ и Туркестан командированы эмиссары для разъяснения причин войны на Балканах и подготовки мусульманского протеста против действий великих держав [Сенюткина 2019: 49]. В соответствии с докладом, составленным департаментом полиции, население демонстрирует покорность, но в случае войны с Турцией реальной представлялась вероятность беспорядков в Дагестане и Терской области [Службная записка 1929: 149].

¹ Структура в МВД Российской империи.

Насколько искренний отклик идеи панисламизма находили у масс, именно у многочисленной аудитории, а не узкого круга интеллектуалов или местной элиты, однозначно ответить трудно. В своем докладе наместник на Кавказе М. И. Воронцов-Дашков за 1913 г. подчеркивал «хладнокровное отношение кавказских мусульман к последним событиям на Балканском полуострове» и отсутствие реакции на проповеди панисламизма и пантюркизма [Всеподданейший отчет 1913: 10]. Наместник полагал, что именно в культурных слоях мусульманства развивается идея национального самосознания и оставлять без присмотра их нельзя, и призывал больше внимания уделять созданию русских школ именно в мусульманской среде. Образование им рассматривалось как наиболее эффективный инструмент профилактики пантюркизма и панисламизма, исходящих от соседней Османской империи [Всеподданейший отчет 1913: 10]. На это как на упущение уже в период Первой мировой войны указывал новый наместник — великий князь Николай Николаевич. На его взгляд, положение усугублялось тем, что значительная часть мусульманского духовенства Кавказского края получала образование в Турции и в Персии, так как специальные мусульманские школы в Российской империи находились «в неудовлетворительном состоянии» и были «почти недоступны для правительственного надзора» [ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 997. Л. 9об.].

Вообще о том, как поставлено дело панисламизма на Кавказе, в официальной отчетной документации могла содержаться информация противоречивая. Проиллюстрируем это на примере доклада «О распространении идей панисламизма на Кавказе (по материалам Особого Отдела Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе)», где в одной части констатируется, что с конца XIX в. среди мусульман России были подъем и тяга к объединению с панисламистским движением, в том числе и среди закавказских мусульман, фиксируется наплыв турецких эмиссаров в Дагестане и говорится, что пропагандой панисламизма занят даже член Государствен-

ной Думы И.-Б. Гайдаров¹, который целое лето 1910 г. провел в Темир-Хан-Шуре [О распространении 2006: 424]. При этом в заключении резюмируется совершенно не вяжущаяся с содержанием документа мысль о том, что «до настоящего времени не обнаружено существование панисламистской пропаганды на Кавказе в значительных размерах» [О распространении 2006: 424]. Справедливости ради стоит отметить, что в самом документе признается сложность задачи отслеживать случаи пропаганды по причине ее секретности и нехватки штата российских агентов. На 700 000 жителей Дагестана имелся всего один жандармский офицер, в таком же положении были Бакинская и Елисаветпольская губерния [О распространении 2006: 425].

Российская исследовательница О. Ю. Бессмертная рассматривает дискурс о панисламизме в России накануне Первой мировой войны как один из институализированных способов конструирования образа «мусульманского Другого» и одновременно «внутреннего врага», что особенно было характерно для Особого отдела Департамента полиции МВД [Бессмертная 2018: 9]. Речь идет не об отсутствии панисламской пропаганды, а об определенном чиновничьем дискурсе, который сконструировался именно в предвоенный период. Это важно учитывать при работе с официальными источниками. В академических кругах ситуация была противоречивой. Выдающийся востоковед В. В. Бартольд считал панисламизм выдуманным явлением, а его коллега Н. П. Остроумов видел в нем реальную угрозу целостности Российской империи [Сенюткина, Гусева 2019: 26].

Накануне Первой мировой войны в Турции еще больше укоренилась и окрепла идея создания единого в религиозном смысле государства, особенно в свете неудачных балканских войн. На Северный Кавказ в качестве агентов присылались черкесы, дагестанцы и чеченцы, которые уехали после 1865 г. или 1878 г. Они курировались осман-

¹ Ибрагим-бек Иса-бек оглы Гайдаров (3 августа 1879, Дербент — 23 сентября 1949, Анкара) — инженер-путеец, депутат Государственной думы III созыва от Дагестанской области и Закатальского округа.

скими торговыми или консульскими представительствами в России, многие были богатыми и авторитетными в Турции людьми [Кулиев 2013: 133].

Американские историки В. Хамед-Троянский мусульманское население, которое путешествовало и жило в Российской и Османской империях, описывают, используя термин «трансимперские мусульмане». Такое определение основано на существовании определенной группы мусульман, интегрированных в два имперских пространства. Они лавировали между двумя имперскими бюрократиями и сохраняли семейные и деловые связи в двух государствах (см., например: [Hamed-Troyansky 2023: 313]). Согласно данным, которые использует В. Хамед-Троянский, между 1850-ми гг. и Первой мировой войной около миллиона северокавказцев переместилось в Османскую империю. При этом около сорока тысяч вернулось в этот же период [Hamed-Troyansky 2023: 312]. Следует понимать сложность подсчета по причине противоречивости имеющихся данных у российской и турецкой сторон, более того — миграционный процесс продолжался и в период Первой мировой войны и даже после ее завершения.

Турецкий исследователь У. Бозкурт приводит данные, согласно которым со всего Кавказа с 1914 г. по 1921 г. переселилось 270 тыс. человек, при этом 470 тыс. погибли [Бозкурт 2023: 78]. Связи между уехавшими и оставшимися поддерживались, вплоть до посещений и активной переписки, что настораживало как Порту, так и российские власти [Meyer 2007: 15].

Со стороны России попытки возвращения уехавших или отправка из Турции корреспонденции встречали сопротивление, так как среди репатриантов могли быть эмиссары, направленные с далеко не благими намерениями, в письмах встречались поощрения эмиграции. В этой связи северокавказская диаспора рассматривалась российскими имперскими властями как дестабилизирующий фактор. Однако религиозные мотивы не были единственными при сманивании с насиженных мест кавказцев. В 1911 г. российский консул в Дамаске сообщал о том, что среди вернувшихся палом-

ников прибыл черкес Паго Измайлович Женоков, проживавший в Нальчикском округе Терской области [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5026. Д. 2453. Л. 1]. При возвращении с хаджа, согласно сведениям российского ведомства, Паго Женоков вступил в переговоры с Дамасским вали Галиб-беом и договорился об организации прибытия из России от 1 000 до 2 000 черкесов, расселение которых планировалось вдоль «Геджазской железной дороги»¹. При этом сам П. Женоков перед возвращением в Россию пытался купить в Дамаске дом и собирался перевозить туда семью, но не внес своевременно платеж, и сделка не состоялась. Сам консул выяснил у прибывших черкесов, что они встречались с «агентом-агитатором Дамасских властей», который ведет пропаганду среди черкесов и призывает переселяться в Турцию, и, вероятнее всего, это был Паго Женоков. Судя по консульскому донесению, переселившиеся были разочарованы ожидавшими их условиями и решили вернуться в Россию [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5026. Д. 2453. Л. 1об.].

Перемещение в Османскую империю не означало окончательного разрыва с Кавказом. Многие из кавказских представителей стали известными общественными деятелями. К «пионерам пантюркизма» относят Ахмета Агаоглу и Али-бея Хусейнзаде, которые могут быть также охарактеризованы как «трансимперские мусульмане». А. Агаоглу публиковался в бакинской прессе даже после отъезда в Константинополь в 1909 г., а после Первой мировой войны вернулся в Азербайджан, но после советизации эмигрировал обратно [Meyer 2007: 27]. Али-бей Хусейнзаде также провел большую часть своей жизни, перемещаясь между двумя империями, в 1910 г. после семи лет на Кавказе переселился в Константинополь, в Баку вернулся летом 1918 г., но через несколько месяцев снова уехал в Турцию [Meyer 2007: 27]. Были и те, кто многие годы проживал в Османской империи и ездил в Россию на краткосрочной основе для решения личных

¹ Вероятнее всего в архивном документе речь идет о Хиджазской железной дороге, которая строилась в начале XX в. с целью соединить Дамаск и Медину.

и финансовых вопросов. Часто эти переселенцы могли иметь на Кавказе дома и имущество и сохранять личные отношения. Так, в 1898 г. уроженец Дагестана Касим бин Абдулла обратился в российское посольство в Константинополе с разрешением посетить Россию. Оказалось, что он убыл из страны тридцать лет назад, но формально от российского гражданства не отказался, за что ему пришлось бы заплатить штраф уже в случае въезда в пределы Российской империи. Случалось, что, приезжая погостить, эмигранты задерживались на родине на один год и более [Meyer 2007: 22].

Дать однозначное толкование причин миграции мусульман между российским Кавказом и Турцией сложно. Скорее всего, можно говорить о целом комплексе факторов как религиозно-политического толка, так и экономического характера. Например, в октябре 1903 г. жители ряда карачаевских селений (372 семьи) подали начальнику области прошение о разрешении переселиться в Турцию, объясняя свое решение «неблагоприятными жизненными условиями» и маленькими земельными наделами [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5076. Д. 2444. Л. 10об.]. Предварительно атаман Баталпашинского отдела, к которому принадлежали ходатайствующие семьи, пытался успокоить и отговорить их, но безуспешно. Турецкая сторона в вопросе переселенцев принятия такого рода просителей была крайне непоследовательна, о чем данный случай и свидетельствует: «...по распоряжению от Министерства Иностранных дел, последовавшему в конце 1897 г., а также вследствие заявления Турецкого Правительства, переселение русско-подданных мусульман приостановлено. Начальник Кубанской области приказал объявить просителям, что ходатайству их не может быть дано дальнейшего движения впредь до предоставления ими удостоверения турецкого правительства в том, что оно со своей стороны изъявляет согласие на принятие просителей со всеми их семьями в турецкое подданство. В ответ на это начальник области получил уведомление от Турецкого Консула в Севастополе о том, что упомянутым семействам карачаевцев разрешено переселиться в Турцию,

где для них отведена, в Сирии, земля под постоянное жительство» [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5076. Д. 2444. Л. 10об.]. В 1905 г. российский император разрешил переселение 226 семействам с условием исключением навсегда из российского подданства [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5076. Д. 2444. Л. 13]. Дискуссионность строгой корреляции между пропагандой панисламизма и миграциями подтверждается данным примером, так как мотивация экономическая и земельный вопрос на Кавказе не должны рассматриваться как второстепенные факторы.

Случались казусы с переселением, спровоцированные бюрократическими сложностями и отсутствием четко выработанной процедуры для осуществления переселенческой политики с обеих сторон. Так, почти 15 лет 31 семья Майкопского отдела находилась в России, несмотря на наличие разрешения переехать в Турцию. Более того, их односельчане переехали в 1890 г., аулы были упразднены и образованы новые поселения с русскими жителями. Причины были разные — от судебного преследования в России до нежелания переехать, при этом члены этого 31 семейства считались турецко-подданными, хотя логично было считать русско-подданными. В 1905 г. султан вновь разрешил их переселение, но 17 семейств из 31 отказались ехать в Турцию, будучи юридически законными подданными Османской империи [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5026. Д. 2429. Л. 2–25].

В 1909 г. 29 семействам горцев из Кубанской области турецкое правительство разрешило поселиться в Эрзерумском вилайете [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 5026. Д. 2450. Л. 8], который относился к шести армянонаселенным территориям. В более ранних российских документах фиксируется стремление и закавказских мусульман переехать в турецкие пределы. В данном случае важно и другое — побудительные мотивы к переселению и желаемые территории. Главнокомандующий гражданской частью Г. С. Голицын отмечал рост этих настроений с 1897 г. К 1899 г. число просителей из Кубинского и Бакинского уездов достигло 10 тыс. человек. Эти настроения были связа-

ны с тем, что бежавшее на Кавказ армянское население оставляло земли в Малой Азии. К этому агитировали как сами армянские беженцы, так и турецкие представители, что наводило кавказские власти на мысль о поддержке, исходящей от самой Порты, тем более турецкий посол ходатайствовал в Петербурге о разрешении такого рода переездов. Г. С. Голицын полагал, что, несмотря на очевидное желание турецкого правительства заполнить оставленные армянами земли кавказскими мусульманами, такого рода переселенческую политику проводить нельзя, пока не решится вопрос о положении самих армянских беженцев [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 502б. Д. 2479. Л. 54–56об.]. Он отстаивал позицию невозможности их размещения на постоянной основе на Кавказе среди русско-подданных армян: «оставление армянских выходцев в пределах Кавказского края... будет иметь своим последствием продолжение случаев перехода армян из Турции в наши пределы и в конечном результате в недалеком будущем почти все турецкие армяне окажутся переселившимися в империю. Никакие дипломатические переговоры и настояния перед Оттоманскою Портой благоприятного результата иметь не будут... Турецкое правительство несомненно преследует прочно установленную им задачу: постепенно освободить Малую Азию от христианского, преимущественно армянского населения, путем насильственного его выдворения с тем, чтобы предоставить остающиеся свободные земли в пользование курдов и других магометан, в том числе и привлекаемых ими из России» [АВПРИ. Ф. 149. Турецкий стол. Оп. 502б. Д. 2393. Л. 71об.].

3.2. Кавказский контекст трансформации армянского вопроса в российско-турецких отношениях

Бегство армян из Малой Азии на Кавказ было процессом продолжительным, и по мере ужесточения турецкой политики в отношении нетурецкого населения, и армян в том числе, количество прибывавших на Кавказ беженцев только росло. Впервые необходимость реформирования армянских вилайетов с целью придания им автоном-

ного статуса в пределах Османской империи была обозначена в русско-турецком Сан-Стефанском мирном договоре 1878 г., что потом было продублировано в Берлинском трактате [Сборник 1952: 205]. В 1895 г. турецкий султан Абдул-Хамид под давлением России, Франции и Англии издал декрет о реформах, который остался на бумаге. Державы не смогли оказать должного давления на Порту. Шесть смежных с Кавказом вилайетов по-прежнему оставались предметом беспокойства как Петербурга, так и непосредственно кавказских властей. Для России важно было сохранять баланс между поддержкой армянского населения Турции и национальным вопросом внутри своих границ, в том числе на Кавказе. Проект «Великой Армении», который обсуждался армянскими национальными обществами, виделся имперскими властями по обе стороны границы как угроза.

В начале XX в. и Турция, и Россия переживали периоды политических кризисов, причем в определенной степени взаимосвязанных. В 1905 г. революция повлияла не только на российское политическое развитие, она произвела сильное впечатление на турецкое общество. В самой Османской империи о событиях в России пресса не писала из-за строжайшей цензуры, но информация, тем не менее, просачивалась, в том числе из публикаций, тайно привозимых из Европы. Опасения Абдул-Хамида II относительно собственных перспектив не были напрасными, как показало время, так как после младотурецкой революции 1908 г. в Турции начался период конституционного правления [Курат 2016: 173–174].

Тревоги относительно перспектив российско-турецких отношений в этот период были связаны с возможной войной, которую обе стороны старались избегать, будучи занятыми внутренними проблемами. Проблема армянской автономии актуализировалась на новом уровне после младотурецкой революции 1908 г. и русской революции 1905–1907 гг. Для Российской империи скорейшее проведение реформ в Турции означало и возможную стабилизацию послереволюционного Кавказа. Младотурки со своей стороны для укрепления позиций попытались

решить национальный вопрос, но надежды на демократизацию страны довольно быстро рухнули. Признаком этого стали новые погромы армянского населения в 1909 г. в Адане, в которых погибло около 20–30 тыс. человек [Ahsan 2017: 137].

Обратившись к донесениям российских военных агентов, можно убедиться в постоянном нарастании взаимной подозрительности по части военных приготовлений Турции в Малой Азии, а России — на Кавказе. Одним из таких агентов был П. И. Аверьянов, который официально занимал должность секретаря консульства в Эрзеруме. Из собранных им сведений и перехваченных донесений разных турецких чинов следует, что уже в 1902–1903 гг. в Турции пристально следили за состоянием дел на Кавказе и опасались, как бы Россия не решила начать войну. Русско-турецкая граница была дестабилизирована армянскими беженцами и революционной активностью армянских комитетов. С турецкой стороны пристально наблюдали за развитием русско-армянских отношений на Кавказе. Согласно донесению одного из турецких пограничных комиссаров, в марте 1903 г. в Тифлисе произошло вооруженное столкновение между русскими властями и армянами: «Тифлиские армяне произвели беспорядки, чтобы заставить русских скорее начать войну с Турцией; армянские комитеты очень недовольным тем, что русские хоть и готовят войну к войне, но медлят занимать Эрзерумский вилайет» [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 10. Д. 535. Л. 12об.]. Турецкому военному было известно и о сборе разных перевозочных средств в Тифлисе для отправки в Карс [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 10. Д. 535. Л. 12об.]. Младший пограничный комиссар из Караклиса докладывал о том, что располагает сведениями о подготовке перехода через русско-турецкую границу армянских революционеров из «русской деревни Ханзир» с попустительства российских властей. Он отмечал, что по обе стороны границы люди (имея в виду армянское население) ожидают войны [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 10. Д. 535. Л. 13об.]. Такой же комиссар из Кетека отмечал, что с российской стороны увеличилась численно пограничная стража, полагая, что: «На эти

действия русского правительства следует обратить внимание и нужно запретить русским мобилизоваться, если они хотят сохранить хорошие отношения с нашим правительством, нам всем на границе обидно, что русские хотят нас обмануть и делают все по секрету: мы не знаем — верить ли армянам, что русское правительство за армян, или верить русским офицерам, уверяющим нас в дружбе и ругающим армян, такое положение на границе хуже открытой войны» [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 10. Д. 535. Л. 13об.–14].

В то же время турецкий консул в Тифлисе писал о трудностях с армянскими беженцами из Турции, которых российские власти стремились вернуть обратно: «Русские власти не позволяют армянам скопляться в большие партии и стараются удалить их из пределов Закавказья, хотя армяне и заявляют русским властям, что переход в Турцию для них невозможен и на границе их ожидают турецкие посты. Армяне, рассеянные в одном пункте границы, собираются в другом, где для них заблаговременно заготовлено различное оружие по распоряжению армянских революционных комитетов. Уследить за передвижениями армянских партий вблизи границы всегда могут и русские власти. Всегда возможно ожидать перехода армянских бандитов в различных пунктах границы. Ввиду изложенного в вышеприведенной телеграмме положения дел и отношения русского правительства к армянским беглецам, предлагаю вам не отступать от раньше указанных мною распоряжений по охране русской границы от вторжения армянских банд, т. н. распоряжение и воспрещение возвращения в наши пределы армянских беженцев сохраняют силу и в настоящее время» [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 10. Д. 535. Л. 14].

Собирая и систематизируя подобного рода сведения, П. И. Аверьянов делал собственные выводы о турецких «приготовлениях к войне», на что, например, указывало размещение постоянного гарнизона в Муше, для которого волнения среди населения использовались как предлог [РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 533. Л. 61].

В 1912 г. о военных приготовлениях турок докладывал вице-консул в Ване С. П. Олферьев. По его сведениям, в Ван доставлялись военные припасы, и турки активно направляли на Кавказ из Константинополя и Трапезунда воззвания к мусульманскому населению: «При теперешних намерениях турок, когда они заботятся о восстании мусульман на Кавказе и делают все возможное к подрыву престижа России в Персии, нам не следует играть с ними в прятки» [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 4208. Л. 123]. Ванский вилайет граничил с Персией, в которой Турция тоже имела свои интересы. По мнению С. П. Олферьева, турецкие власти стремились подготовить и в Персии, и на Кавказе почву на случай войны с Россией [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 4208. Л. 120].

Российский консул в Трапезунде Г. В. Брант в том же 1912 г. писал о прокламациях, отправляемых на Кавказ, в которых младотурки призывали население к революции [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 4208. Л. 252об.]. Кроме того, к своему сообщению он приложил образец письма для аджарского населения, которое местный младотурецкий орган отпечатал тиражом в 15 тыс. [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 4208. Л. 254]. Вице-консул в Ризе В. Ф. Маевский выражал, скорее, непопулярное мнение и опровергал возможность российско-турецкого конфликта, в том числе в пределах Кавказа: «Все они, от первого турецкого сановника до последнего сельчанина или солдата, прекрасно сознают, что области с христианским населением для Турции — зло, с которым приходится мириться; и увеличивать это зло приобретением новых областей, с теми же злополучными для турок христианами, значит ухудшать и без того тяжелое положение в Турции» [АВПРИ. Ф. 144. Персидский стол. Оп. 488. Д. 4208. Л. 138].

В 1908 г. по инициативе заместника И. И. Воронцова-Дашкова П. И. Аверьянов стал командовать Мингрельским полком на Кавказе. Взаимная подозрительность России и Турции достигла такого накала, что султан обратился к российскому императору с предложением о приезде российских

военных и встрече с турецкими офицерами для прояснения всех обстоятельств. Для успокоения Османского правительства и демонстрации отсутствия намерений начинать войну с Турцией в июне 1908 г. из Тифлиса выехала целая делегация, которую как раз П. И. Аверьянов и возглавил [ГАРФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 1. Л. 179].

Уже к концу XIX в. была очевидна беспомощность турецкой власти по части реформ, национально-освободительное движение среди нетурецкого населения только росло. Младотурецким лидерам также пришлось столкнуться с подъемом арабского движения за автономию, в 1913 г. они пообещали арабским лидерам реформы, которых не провели. Армянский вопрос в русско-турецких отношениях накануне Первой мировой войны отличался особой остротой, мирного разрешения которого, как показали события 1915 г., так и не случилось. Младотурки не допускали реформ и разжигали вражду между курдами и армянами.

По мере роста насилия в отношении армянского населения в Турции, усиливался приток беженцев на российский Кавказ, с одной стороны, росла активность революционных партий, таких как «Дашнакцутюн», — с другой. Постоянное насилие и притеснение армянского населения в Османской империи порождали такие же радикальные методы борьбы со стороны дашнаков. Надо сказать, что они пытались и представлять интересы армян перед лицом турецкого правительства, но учитывая состояние дел в Османской империи накануне Первой мировой войны, достичь договоренности было сложно. По сведениям российского департамента полиции, в октябре 1912 г. в Эрзеруме прошло совещание Западного и Восточного бюро партии «Дашнакцутюн». Первое базировалось в Женеве, а вот второе располагалось в Тифлисе. На совещании было принято решение указать турецкому правительству на постоянные нападения курдов на армянское население и 61 ст. Берлинского трактата 1878 г., согласно которой армянские вилайеты должны были быть реформируемы [ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11. Л. 7]. По тем же сведениям, в самой партии наблюдался раскол. Одно течение

выступало за подчинение армян России, второе — считало российское вмешательство бесполезным. Бакинский, тифлисский и эриванский центральные комитеты опасались вмешательства российского правительства, как провоцирующего новую резню армян [ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11. Л. 8]. При этом, по тем же сведениям, датированным 23 января 1913 г., на Кавказ был направлен один из членов Константинопольского армянского национального собрания с целью обращения турецких армян к католику с просьбой ходатайствовать перед российским правительством об оккупации Турецкой Армении российскими войсками [ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11. Л. 7об.–8]. Поездка агента осуществлялась под предлогом решения вопросов экспорта кавказской нефти в Турцию, что в первую очередь должно было отвлечь не только турецкую сторону от реальных целей, но и большую часть дашнаков. С большой вероятностью к данной миссии мог иметь отношение константинопольский патриарх Магакия Орманян, который был противником «Дашнакцутюн» [ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11. Л. 7об.–8].

В самой Турции по наблюдениям агентов росло общественное возмущение и протест против вмешательства Европы во внутренние дела, и в особенности было нежелательно российское участие. В январе 1913 г. в Турции произошел государственный переворот, фактическую власть в своих руках сосредоточил триумвират Талаат-паши, Джемаль-паши и Энвер-паши. Даже урезанный проект реформ для армянских вилайетов отложили в сторону и объявили реформы во всей империи [Посол в Турции 1915: 25]. В ноябре 1913 г. в Константинополе в доме «бывшего министра-иттихадца» армянина Халаджана состоялась встреча иттихадцев (членов партии «Единение и прогресс») и членов партии «Дашнакцутюн». Присутствующий на встрече Талаат-паша предлагал армянам отказаться от европейского покровительства в обмен на уравнение в правах с мусульманами, 22 депутатских места в парламент, реформы в Турецкой Армении и допущение армян к административным и судебным должностям. Российское участие в армянском вопросе рассматривалось тоже

как нежелательное. Интересно, что данное агентурное донесение передает описание личностей присутствующих, среди которых кавказские армяне, в разные периоды уехавшие из России [ГАРФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 11. Л. 69–69об.].

В это время России удалось продать проект реформ управления армянскими территориями в Турции, который по большому счету стал российско-турецким соглашением, подписанным в феврале 1914 г. С российской стороны подписывал поверенный в делах К. Н. Гулькевич, с турецкой — визирь и министр иностранных дел [Van Derdussen 1986: 23]. Реформа была наспех организована и, конечно, была нежелательна не только для турецких властей, но и для Германии, которая фактически контролировала Турцию. Разгоревшаяся Первая мировая война дала Турции возможность просто свернуть едва начавшиеся преобразования.

4. Заключение

Еще до создания Кавказского фронта Первой мировой войны Кавказ был территорией сложного российско-турецкого взаимодействия. С одной стороны, мы наблюдаем попытки достижения баланса и избегания войны, с другой — скрытое соперничество. Для Российской империи сохранение стабильности и ограждение от иностранного вмешательства Кавказа было осложнено как его приграничным положением, так и этническим и религиозным многообразием. Здесь проживали тюркские народы, которые легко попадали под турецкое религиозное, культурное и политическое влияние. На Северном Кавказе и в Закавказье проживало многочисленное мусульманское население, которое становилось целевой аудиторией панисламизма. В рамках данной статьи удалось наметить следующие проблемные места российско-турецких отношений вокруг Кавказа в конце XIX – начале XX в.: панисламизм как инструмент турецкого влияния на кавказских мусульман, миграции мусульманского населения и армянский вопрос. Каждое из этих направлений превращало Кавказ в контактную зону российско-турецкого взаимодействия. События Первой мировой

войны, последовавшие за ней революция 1917 г. и период политической трансформации Кавказа, активные попытки Турции вернуть регион в зону своего влияния за-

ставили большевистскую власть вплотную заняться вопросом реальной интеграции местных народов в социокультурное пространство уже советского государства.

Источники

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Литература

- Бессмертная 2018 — *Бессмертная О. Ю.* «Алые розы Востока»: «панисламизм», ориентализм и шпиономания в последние мирные годы Российской империи. Разведывательная империя? // Шаги / Steps. 2018. Т. 4. № 1. С. 9–44.
- Бозкурт 2023 — *Бозкурт У.* Эмиграция мусульман Кавказа в Османскую империю и их роль в создании Турецкой Республики // Россия и мусульманский мир. 2023. № 1. С. 72–88.
- Восточный вопрос — Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. Н. С. Киняпина. М.: Научкнига, 1978. 435 с.
- Всеподданейший отчет 1913 — Всеподданейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-Адъютанта Графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. Типография, 1913. 86 с.
- Гранкин 2018 — *Гранкин Ю. Ю.* Российская империя в поисках оптимальной модели управления северокавказской окраиной (к вопросу об учреждении наместничества) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 37–47. DOI: 10.37494/2409-1030-2018-4-37-42
- Дегоев 1992 — *Дегоев В. В.* Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 1992. 311 с.
- Дегоев 2003 — *Дегоев В. В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2003. 344 с.
- Киняпина и др. 1984 — *Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М.: Изд-во Московского университета, 1984. 328 с.

Sources

- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
 State Archive of the Russian Federation.
 Russian State Archive of Military History.

References

- Bessmertnaya O. Yu. “The scarlet roses of the Orient”: “Pan-Islamism”, Orientalism, and spy-mania in the last peaceful years of the Russian Empire. An empire of intelligence? *Shagi/Steps*. 2018. Vol. 4. No. 1. Pp. 9–44. (In Russ.) DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-1-9-44
- Bozkurt U. Emigration of Caucasian Moslems to the Ottoman Empire and their role in the creation of the Turkish Republic. *Russia and the Moslem World*. 2023. No. 1 (327). Pp. 72–88. DOI: 10.31249/rimm/2023.0L06
- Kinyapina N. S. (ed.) The Oriental Question in Russia’s External Policies, Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries. Moscow: Nauka, 1978. 435 p. (In Russ.)
- Vorontsov-Dashkov I. I. Most Faithful Report on the Eight Years in Charge of the Caucasus Viceroyalty by General Adjutant Graf Vorontsov-Dashkov. St. Petersburg: Imperial Printing House, 1913. 86 p. (In Russ.)
- Grankin Yu. Yu. The Russian Empire in search of optimal management model of the North-Caucasus borderlands (On the founding of vicegerency). *Humanities and Law Research*. 2018. No. 4. Pp. 37–47. (In Russ.) DOI: 10.37494/2409-1030-2018-4-37-42
- Degoev V. V. The Caucasus Question in International Relations, 1830s – 1860s. Vladikavkaz: North Ossetian State University, 1992. 311 p. (In Russ.)
- Degoev V. V. The Great Game in the Caucasus: Past and Present. Moscow: Russkaya Panorama, 2003. 344 p. (In Russ.)
- Kinyapina N. S., Bliiev M. M., Degoev V. V. The Caucasus and Central Asia in Russia’s External Policies, 1750s – 1880s. Moscow: Moscow State University, 1984. 328 p. (In Russ.)

- Коробейникова 2018 — Коробейникова Д. Ю. Колонизационно-переселенческая деформация северокавказского региона в процессе его адаптации к имперскому миросоциуму // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №3. С. 98–103. DOI: 10.37494/2409-1030-2018-3-98-103
- Кулиев 2013 — Кулиев Ф. Религиозный фактор в геополитике России и Турции на Северном Кавказе // Кавказ & Глобализация. 2013. Т. 7. Вып. 1–2. С. 127–136.
- Курат 2016 — Курат А. Н. Собрание сочинений. Книга 4: Турция и Россия: турецко-российские отношения с конца XVIII века до Войны за независимость Турции (1798–1919) / отв. ред. Л. И. Шахин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 852 с.
- О распространении 2006 — О распространении идей панисламизма на Кавказе (по материалам Особого Отдела Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе) // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.): сборник материалов / ред. Д. Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. С. 422–429.
- Посол в Турции 1915 — Посол в Турции Министру Иностраннных Дел. Константинополь, 11 марта 1913 г. // Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914. Пг.: Гос. тип., 1915. С. 25–26.
- Рамазанова 2021 — Рамазанова З. Б. Нефтяные промыслы в системе жизнеобеспечения народов России во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Республики Дагестан) // ACTA HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. 2021. Т. 4. № 1. С. 46–51.
- Сборник 1952 — Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917) / сост. И. В. Козьменко, ред. Е. Адамов. М.: Госполитиздат, 1952. 470 с.
- Сенюткина 2019 — Сенюткина О. Н. Мусульмане Дагестана и панисламизм (на материалах российских спецслужб рубежа XIX–XX вв.) // Ислам и исламоведение в современной России: сб. докл. Всероссийского исламоведческого форума. Махачкала: Алеф, 2019. С. 45–51.
- Сенюткина, Гусева 2019 — Сенюткина О. Н., Гусева Ю. Н. Панисламизм и пантюркизм в осмыслении российских чиновников (начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2019. № 2. С. 21–36.
- Служебная записка 1929 — Служебная записка директора деп. полиции от 15 августа 1908 г // Красный архив. 1929. № 4(35). С. 146.
- Korobeynikova D. Yu. Colonizing and resettlement deformation of the North Caucasus region in the process of its adaptation to the imperial micro-society. *Humanities and Law Research*. 2018. No.3. Pp. 98–103. (In Russ.) DOI: 10.37494/2409-1030-2018-3-98-103
- Kuliev F. Religious factor in geopolitics of Russia and Turkey in the North Caucasus. *The Caucasus & Globalization*. 2013. Vol. 7. No. 1–2. Pp. 127–136. (In Russ.)
- Kurat A. N. Collected Writings. Vol. 4: Turkey-Russia Relations, 1798–1919. L. Shakhin (ed.). Kazan: Märçani Institute of History (Tatarstan Academy of Science), 2016. 852 p. (In Russ.)
- About Pan-Islamism in the Caucasus: Analyzing materials submitted by Counterintelligence Department of the Caucasus Viceroy's Office. In: Arapov D. Yu. (comp., ed.) *Imperial Russia and Muslim World, Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries*. Collected materials. Moscow: Natalis, 2006. Pp. 422–429. (In Russ.)
- Russian Ambassador in Turkey — to the Foreign Affairs Minister. Constantinople, 11 March 1913. In: Collected Diplomatic Documents. Reforms in Armenia, 26 November 1912 – 10 May 1914. Petrograd: Imperial Printing House, 1915. Pp. 25–26. (In Russ.)
- Ramazanova Z. B. Oil fields in the life support system of the peoples of Russia in the 2nd half of the XIX – beginning of the XX centuries (On the materials of the Republic of Dagestan). *ACTA HISTORICA*. 2021. Vol. 4. No. 1. Pp. 46–51. (In Russ.) DOI: 10.24412/2658-3836-2021-41008
- Kozmenko I. V. (comp.) Collected Treaties between Russia and Other Countries, 1856–1917. E. Adamov (ed.). Moscow: Gospolitizdat, 1952. 470 p. (In Russ.)
- Senyutkina O. N. Muslims of Dagestan and Pan-Islamism at the turn of the twentieth century: Analyzing materials of Russian secret services. In: *Islam and Islamic Studies in Contemporary Russia*. Forum proceedings (Makhachkala, 27–28 September 2019). Makhachkala: Alef, 2019. Pp. 45–51. (In Russ.)
- Senyutkina O. N., Guseva Yu. N. Pan-Islamism and Pan-Turkism as understood by Russian officials (Early 20th century). *The New Historical Bulletin*. 2019. No. 2 (60). Pp. 21–36. (In Russ.) DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00010
- Internal note by Chief of Police Department dated 15 August 1908. *Krasnyi arkhiv*. 1929. No. 4 (35). P. 146. (In Russ.)

- Сотниченко 2011 — *Сотниченко И. А.* Северный Кавказ в сфере политического влияния Османской империи в XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 28 с.
- Тимошенко-Оздемир 2009 — *Тимошенко-Оздемир Е. Н.* Северный Кавказ в международной политике во второй половине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 13. 2009. Вып. 2. С.23 – 34.
- Урушадзе 2015 — *Урушадзе А. Т.* Кавказ в конце XIX – начале XX в.: проблемы управления и модернизации на южной окраине Российской империи // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 144–157.
- Цибенко 2022 — *Цибенко В. В.* Фактор национализма в системе международных отношений на примере деятельности черкесских организаций в Турции (XIX–XXI вв.): дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2022. 565 с.
- Ahsan 2017 — *Ahsan I. B.* The Ottoman Empire's Escalation from Reforms to the Armenian Genocide, 1908–1915 // *Secession and Security*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 2017. Pp. 125–162. DOI: 10.7591/9781501713958-007
- Hamed-Troyansky 2023 — *Hamed-Troyansky V.* Letters from the Ottoman Empire: Migration from the Caucasus and Russia's Pan-Islamic Panic // *Slavic Review*. 2023. No. 82(2). Pp. 311–333. DOI:10.1017/slr.2023.164
- Meyer 2007 — *Meyer J. H.* Immigration, Return, and the Politics of Citizenship: Russian Muslims in the Ottoman Empire, 1860–1914 // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 39. No. 1 (Feb., 2007). Pp. 15–32.
- Van Derdussen 1986 — *Van Derdussen W. J.* The Question of Armenian Reforms in 1913–1914 // *Armenian Review*. Spring 1986. Vol. 39. No. 1. Pp. 11–28.
- Sotnichenko I. A. The North Caucasus in the Ottoman Political Orbit, Nineteenth – Early Twentieth Centuries. Cand. Sc. (history) thesis abstract. St. Petersburg, 2011. 28 p. (In Russ.)
- Timoshenko-Ozdemir E. N. Northern Caucasus on the international policy in the second half of the 19th century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2009. No. 2. Pp. 23–34. (In Russ.)
- Urushadze A. T. The Caucasus in the late 19th – early 20th centuries: Problems of governance and modernization on the southern outskirts of the Russian Empire. *Quaestio Rossica*. 2015. No. 2. Pp. 144–157. (In Russ.) DOI: 10.15826/qr.2015.2.101
- Tsibenko V. V. A Nation-Building Factor in International Relations: The Case of Circassian Organizations in Turkey, Nineteenth – Twenty First Centuries. Dr. Sc. (history) thesis. Moscow, 2022. 565 p. (In Russ.)
- Butt A. I. The Ottoman Empire's escalation from reforms to the Armenian genocide, 1908–1915. In: Butt A. I. *Secession and Security: Explaining State Strategy against Separatists*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2017. Pp. 125–162. (In Eng.) DOI: 10.7591/9781501713958-007
- Hamed-Troyansky V. Letters from the Ottoman Empire: Migration from the Caucasus and Russia's Pan-Islamic panic. *Slavic Review*. 2023. Vol. 82. No. 2. Pp. 311–333. (In Eng.) DOI:10.1017/slr.2023.164
- Meyer J. H. Immigration, return, and the politics of citizenship: Russian Muslims in the Ottoman Empire, 1860–1914. *International Journal of Middle East Studies*. 2007 (February). Vol. 39. No. 1. Pp. 15–32. (In Eng.)
- Van Derdussen W. J. The question of Armenian reforms in 1913–1914. *Armenian Review*. 1986 (Spring). Vol. 39. No. 1. Pp. 11–28. (In Eng.)

